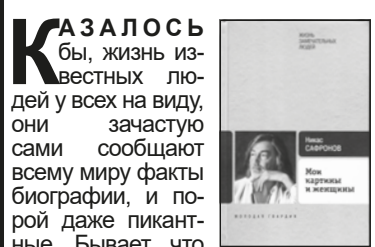

ВЗГЛЯД ХУДОЖНИКА

Сафронов Никас. Мои картины и женщины. — М.: Молодая гвардия, 2026. — 319 с. : ил. — (ЖЗЛ: Биография продолжается...: сер. биогр.; вып. 56)

КАЗАЛОСЬ бы, жизнь известных людей из всех на виду, они зачастую сами сообщают всему миру факты биографии, и порой даже пикантные. Бывает, что журналисты разыскивают такие детали, о которых сами персонажи светских хроник либо забыли, либо не хотели предавать гласности. А зачастую СМИ поддают вымыслы как достоверные факты. Почти о каждом известном человеке у общества сложилось мнение, похожее на штамп, расхожее в оценках небольшие, в зависимости от приоритетов и шкалы ценностей самих "оценщиков".

Но порой открываешь для себя человека известного, с "биографией" — с неожиданной стороны. Вот и пресс-конференция народного художника России Никаса Сафронова, посвящённая его юбилею, удивила. Приятно. Сам Никас известен большинству граждан нашей страны, даже если они не знакомы с его творчеством. Работы, факты личной жизни художника освещались и освещаются в прессе разной цветовой гаммы.

И вот перед тобой — не гламурный модный художник, а интересный собеседник, интеллигентный человек, который при всей элитности образа притрагивается, скорее, традиции и искусству. Традиция, классика не мешают развитию и появлению новых стилей. И "дрим вижн" — стиль, выработанный, созданный самим Никасом, тому доказательство.

Художник откровенно ответил на все вопросы. На серьёзные — серьёзно, на шуточные — с самоиронией, которой славятся далеко не все творцы, люди зачастую эгоцентричные и не склонные подшутить над самими собой.

Ход конференции сопровождался видеорядом. Картины, фотографии с выставок: в Индии в галерею очередь, сравнивая с потоком людей в Мавзолее в советское время. Вот картина "Память поколений", посвящённая освобождению Сталинграда. Девочка держит знамя с портретом Сталина, рядом уцелевший дом Павлова, красноармеец, на заднем плане — танк. Просто ода Советскому Союзу. Именно эту картину, по словам художника, самый известный арт-журнал Италии выбрал для обложки своего майского номера.

Придя на юбилей, участники пресс-конференции ушли с подарками от именинника — его книгами. Открывая любое иллюстрированное издание, рассматриваешь фото. Иногда именно иллюстрации заманивают в содержание. Глядя на иллюстрации к книге "Мои картины и женщины", не прочтёшь ещё ни одной строки, понимаешь: этому человеку есть что рассказать и о ком. Это человек семьи и мира — в самом прекрасном смысле этого слова. Трогательные детские фотографии автора, фото отца, детей, друзей... Деятели искусства, политические фигуры из разных стран.

КНИГА — не гламурный рассказ о светских раутах, как можно было бы ожидать от модного художника. И, кстати, о женщинах на страницах не более, чем о мужчинах, и уж никак не более, чем о картинах. Книга — не откровения дамского угодника, не дневник любовницы, отнюдь. Это повествование о судьбе, не всегда благополучной, философские рассуждения, дань людям, которые были рядом, сыграли роль в судьбе...

Творческому человеку, художнику в частности, интересны разные типы, порой прямо противоположные — разнополюсные. Хороший портрет — это не столько черты лица, фигура, сколько характер, суть человека.

Хотя в книге очень много предельно откровенного, но это скорее исповедальное, чем скандальное. О личном — прилично. Сам автор так отвечает на вопрос, о чём книга: "Прежде всего о времени. Время — это самая таинственная субстанция, с которой человек связан с рождения и до смерти. Главная тайна времени в том, что у него нет видимой репрезентации".

Да, о времени — в событиях и лицах.

Ныне повальная истерия — все ищут (и находят!) свои дворянские корни. Благородные с. Дворяне из дворянжек. Никас же, говоря о детстве, признаётся: "Главное — это постоянное ощущение счастья. Мы жили трудно, но всегда сытно, но счастье было всеохватывающим, хотя мы это не осознавали... у нас было счастье свободы, и это чувство я потом неосознанно пытался обрести всю взрослую жизнь. Иногда это ощущение мелькало. Но подлинное счастье нахожу только в детстве... семья состояла из восьми человек. Родители были верующими, поэтому рождалось столько детей, сколько Бог пошлёт". А Бог послал шестерых детей!

Несколько нецветистых строк — и уже характеристика страны, человека, семьи. "Откуда пошла ешь..."

В предисловии — откровение, как и почему появилась книга. "Если взглянуть на мою жизнь — это просто калейдоскоп фрагментов, связанных между собой. Возможно, на первый взгляд и книга эта покажется такой же. Однако, когда я начинаю вглядываться в свою жизнь глубже, проступает смысловой рисунок, обнаруживаются причинно-следственные связи, и фрагменты сцепляются в единое целое".

Само оглавление книги — акт творчества: "Истоки волшебства. Вспомни детство". "Благослови меня, Да Винчи. Мой главный выбор сделан", "С ними смерть становится нестрашной. О детях с любовью и грустью", "Светящийся лик иконы. Мой путь к Богу", "В рай со святой милостыней входят. Искусство и благотворение".

Глава "Основные даты жизни и творчества" лаконична, буквально на одну страничку. Но и по ней можно узнать многое из биографии и характера: где, в какой семье родился, учился, звания, коих удостоен. А учился помимо художественных училищ и Суриковского ещё и в мореходном училище, Московском государственном университете технологий и управления, где изучал психологию.

Автор — прекрасный рассказчик. И ты с одинаковым интересом, но с разной скоростью, читаешь и о семье, друзьях, женщинах ("И лишь влюблённый — человек. Мои женщины. Жены, и не только"), и о том, как пишется портрет ("Печаль на сером полотне. Мистика портрета"), и как пришёл к вере ("Светящийся лик иконы. Мой путь

к Богу"). Что-то буквально проглатываешь, а что-то постигаешь неспешно, читая и перечитывая.

Говоря о тех или иных событиях, впечатлениях, автор ненавязчиво отсылает к работам философов, классиков. Так, читая о друзьях в главах "Мы родственны по духу, не по крови. Люди моего карасса. Виктор Мережко и отвергнутый ангел", "Николай Дроздов. Я называю вашим именем клеца", ты заинтересуешься романом Курта Воннегута "Колыбель для кошки", откуда понятие "карасс" и почерпнуто...

В главе "Dream Vision — синтез стилей и направлений", рассказывая о том, как, чему, у каких мастеров, в каких странах учился живописи, совершенствовался, автор делится: "Современный человек способен воспринимать не только классическую живопись, но хочет видеть нечто новое, то, что больше соответствует его мировоззрению. Мой стиль Dream Vision как раз и представляет собой попытку войти в мир современного человека, сделать доступным его восприятию новый синтез стилей, синтез зримого и незримого, реального и воображаемого, рационального и иррационального. Этот стиль родился у меня постепенно".

В КНИГЕ художника, как и на его картинах, есть первый, второй план... И порой план второй, как бы не прописанный с той тщательностью, как первый, даёт более широкую картину. Так, автор ведёт тебя по своей судьбе из провинции в столицу через учёбу в училище, институте, подработку грузчиком (и с первой зарплатой — подарок маме), службу в армии, работу театральным художником, встречи с "сильными мира сего" — с разными мира сего... И ты видишь социальный лифт, который поднимал людей: из простой, далеко не богатой семьи человек получает образование, благодаря труду и настойчивости добивается успеха и положения. Где-то — удача: преподаватель в художественном училище, вопреки мнению коллег, настоял, чтобы юношу приняли, увидев в нём талант. И Никас стал упорно заниматься, чтобы оправдать, развить те способности, что в нём увидел мастер. Так что впечатление баюльства судьбы, которое производит Никас, ошибочно.

Бывает, знаешь человека заочно — по работам, книгам, фильмам, выступлениям — и очаровываешься образом. А встретив — разочаровываешься. Побывав на конференции Никаса Сафронова, прочитав книгу, упрекнул себя за былую предвзятость. Моё заочное впечатление было "сбитым с мушки": человек глубже, интереснее, благороднее, чем тот образ, что сложился у тебя. "Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан". Хорошо и здорово, когда человек — и поэт, и гражданин, отдающий дань прошлому, тем возможностям, которые государство предоставляло всем в равной степени, заботилось не только о материальной стороне жизни людей, но и духовной сфере. И дань настоящему — сложному, противоречивому, но — твою.

Книга "Мои картины и женщины" поистине "рассчитана на широкий круг читателей", как часто пишут в аннотациях. В ней каждый — стар и млад, мыслитель и обыватель, учёный и поэт — найдёт для себя и пищу для сердца и души, и повод для размышлений.

Ольга СТРЕЛЬЦОВА

НАРОДНЫЙ СВЯТОЙ

Он выбрал крест. Статьи, воспоминания, выступления. Автор-составитель — священник Виктор Кузнецов. — М.: 2026. — 384 с.

ЕВГЕНИЮ Родионову 23 мая 2026 года исполнилось бы 50 лет. Но в день его рождения, 23 мая 1996 года, он погиб от рук бандитов, отрезавших ему голову за отказ сняться с себя православный крестик, который надела ему мама, Любовь Васильевна. Евгений — народный святой. Его не канонизирует церковь, но канонизирует народ. Есть народные артисты, но звания им присуждают чиновники. Есть народные святой — это звание присвоил Евгению народ. Ему пишут иконы, посвящают стихи, слагают легенды. Пишут о нём книги.

О Евгении Родионове впервые рассказала газета "Завтра". Рассказала о матери, которая пришла в храм с просьбой отпеть обезглавленное тело единственного сына. О том, как мать поехала искать сына, как нашла тело. Обезглавленное. Потом отправилась искать голову, как взяла её в спортивной сумке, чтобы похоронить...

Воин Евгений служил пограничником всего полгода, и всего месяц как был откомандирован на блок-пост у селения Галашки на чечено-ингушской границе, где и был пленён. К блок-посту, где находилось ещё трое сослуживцев Евгения, таких же молодых ребят, подъехала машина "скорой помощи", пограничники подошли проверить, кто находится в автомобиле. А там — бандиты, перевооружившие оружие. Взрослые громилы, вооружённые до зубов. Они захватили молодых, практически неопытных солдат, которым предстояло пройти свой мученический путь.

А маме Евгения Родионова в подмосковное Купилово, как и родителям других пленённых солдат, пришла телеграмма, что сын покинул располо-

жение части. Мама не могла поверить — не так воспитан сын, чтобы сбежать, дезертировать. Отправилась на месте выяснить, что и как. И узнала, что сын захвачен в плен. Любовь Васильевна, уверенная, что сын жив, что она сможет его выволочить, отправилась в путь свой — искать сына. От селения к селению, от аула к аулу... Показывала фотографию Жени, слышала, что якобы видели его там или там, устремлялась туда... Не находила. Мчалась в другое место, где, по словам очевидцев, держали её сына, понимая, что её промедление поистине смерти подобно для Жени. На этом пути её избивали бандиты, посылали на минные поля, где якобы лежит её сын. Глушили, стреляли у неё за спиной, желая увидеть испуг.

Мать разыскала, встретила с убитой сыном Русланом Хайхороевым, который не хотел рассказывать правду о его последних минутах, о том, что с ним стало, где похоронен... Но всё-таки поведал, что Евгению предложили или сменить веру, снять крестик, или умереть. Он свой выбор сделал.

Бандиты затребовали у матери выкуп за тело сына, казнённого в Бамуте. Тогда бандиты вели активный торг, были ценники: за живого, за убитого.

Обезглавленное тело сына Любовь Васильевна узнала по натальному кресту. Бандиты не сняли его с юноши. Цена этого крестика на обезглавленном теле — жизнь.

В книге рассказано и о товарищах Евгения, разделивших его трагическую и героическую судьбу, не перешедших на сторону бандитов, не предавших Родину, которая в 1996 году была под руководством такого нетопыря, в таком состоянии, что и государством трудно назвать. Но это была Родина, которую её истинные сыны не предавали, отстаивали её честь ценой своей жизни. Эти юноши погибли во вражеском окружении, не ведая, узнает ли кто-нибудь об их героической кончине, не зная, будет ли у них могилка, куда смогут прийти поплакать род-

ные и близкие. Да даже если бы эти мальчики поступились совестью ради жизни — едва ли бы об этом узнали. Но они были честны и чисты перед самими собой, перед тем, кто, как и они, погиб на кресте.

Главы "Жизнеописание воина Андрея Николаевича Трусова", "Жизнеописание воина Игоря Владимировича Яковлева", "Жизнеописание воина Александра Михайловича Железнова" — это рассказы о тех самых сослуживцах-мучениках Евгения. О том, какими они были, рассказали их родные и друзья. На фотографиях из семейных архивов: вот они в детстве, вот они принимают присягу — красивые, светлые лица, одухотворённые лица. У Бога все живы.

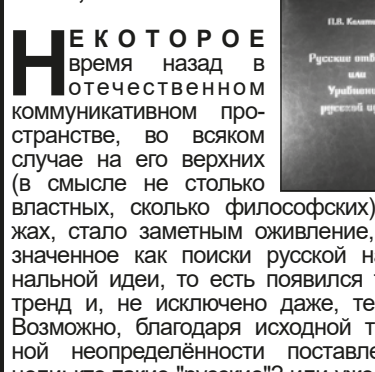
В КНИГЕ много говорится о распятии, о грехе, благоденствии и злодействе, о том, что символизирует крест, приводятся примеры жертвы на кресте.

Много жизненных примеров явления чуда, связанного с образом Евгения Родионова, о том, как на его примере учатся молодые воины, суворовцы, воспитанники кадетских училищ, о ходахатайствах, обращениях общественных организаций, священнослужителей, чтобы канонизировать воина Евгения. Цитаты из Священного Писания чередуются со словами пастырей, стихами, посвящёнными воинам-мученикам, свидетельствами чудотворности образа Евгения Родионова...

Чтение книги требует мужества, потому что в ней отражены трагические истории — на разрыв сердца. Трудно читать о подвиге матери, которая, узнав, что сына нет в живых, хотела умереть, чтобы не испытывать невыносимых страданий. Но нашла в себе силы жить и нести свой крест. Невозможно, но необходимо читать, знать об этих страницах нашей истории. О тех подвигах подвизничества, самопожертвования, стояния, что наполняют нашу историю, наше общество подлинным героизмом.

Екатерина ГЛУШИК

Калитин Пётр. Русские ответы, или Уравнение русской идеи. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2026. — 696 с.

НЕКОТОРОЕ время назад в отечественном коммуникативном пространстве, во всяком случае на его верхних (в смысле не столько властных, сколько философских) этажах, стало заметным оживление, обозначенное как поиски русской национальной идеи, то есть появилась такая идея, но не исключено даже, тендер. Возможно, благодаря исходной трюичной неопределённости поставленной цели: кто такие "русские"? или уже "рос-

стоных "псов-рыцарей" до нынешних "рыцарей света", старовечерские "пали" прилагаются) — по три, шесть и даже более того (как правило, число кратное трём — у нас же Бог троицу любит) на одно словоместо. Поэтому — и не вздрагивайте, когда в книге доктора философских наук, "почти 40 лет (с июня 1987-го, вполне "ветхозаветный" срок) лично ответственного за — вконец оригинальную! — проблематику русскости", встретите такие, например, слова: "бездумия (= бездны + безумного + ума) и соткровения (= сокровенного + откровения), и апофатичности (= апофатической + фактичности), и умолпращения (= умолпращения + прозрения + (равно) рачительного)", или "гладостного (= гладкого + гадостного + радостного + лада + ада + ДОСТА)", — это он, автор, юродствует

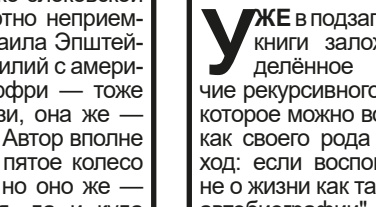
мических ковчегов, естественно, только силой тяготения (иное проявление той же силы — игрушка "ванька-встанька", тоже упомянутая в книге) вбирающих в себя "всякой твари по паре"; и термина "антропоэцентричность", прамиком отсылающего к известному психометрическому тесту (на чистом листе бумаги рисуется некое подобие круга; испытываемому предлагается поставить точку в любом месте); и пушкинско-блоковской "тайной свободы", абсолютной неприемлемой для иноагента Михаила Эпштейна (здесь совпадение фамилий с американским содомитом Джеффри — тоже знак метафизической связи, она же — квантовая запутанность?). Автор вполне допускает, что "придумал пятое колесо в телеге русского языка", но оно же — его, языка, квинтэссенция, да и куда можно отправляться без запасного колеса (дальше едешь — тише будешь)? "Всеотзывчивость", определённая ещё Ф.М. Достоевским в качестве основного свойства "загадочной русской души", отвергается Калитиным как неадекватное обобщение одного из весьма частных её проявлений, что-то наподобие сведения гиперкуба-тессеракта, которого вообще нет (= нет + есть) в нашем трёхмерном пространстве, к его базальной n=2 проекции — квадрату. Образно говоря, наши "партнёры" считают нас квадратом или кубом, а Россия — фигура принципиально иных измерений. И, по автору, наличие — или, вернее, антиуток ("уток — ничто, отрицающее не только действительное, но и возможное бытие, по Шеллингу", — примечание П. Калитина) — этих измерений в нашем сознании как раз и обеспечивает победность и непобедимость нашего временно-исторического пути.

Николай КОНЬКОВ

От редакции. Подарившем Петра Вячеславовича Калитина с выходом новой книги и 65-летием Желана крепкого здоровья, долгих лет жизни, новых творческих успехов!

КРЕДО БЕЛКИНА

Белкин Сергей. Осмыслка жизни. Воспоминания об автобиографии. — Екатеринбург: Издательские решения, 2025. — 530 с.

УЖЕ в подзаголовке этой книги заложено определённое противоречие рекурсивного характера, которое можно воспринять и как своего рода рекламный ход: если воспоминания — не о жизни как таковой, а "об автобиографии", то тем самым дополнительно усиливаются, словно "под микроскопом", масштаб и резкость описанных событий, касающихся бытия нашего общества в "лихие девяностые", точнее — с 1990-го по 2001 год, и связанных с распадом Советского Союза и с формированием на его обломках "новой", "рыночной", "демократической" России ("Евреи в Москве делали перестройку, евреи в Кишинёве "делали ноги"). Собственно, вся книга заполнена множеством деталей того бурного десятилетия, поданных через личную судьбу автора, которому тогда пришлось вместе с женой и детьми передислоцироваться из столицы Молдавской ССР, города Кишинёва, где он вырос, получил образование и до горбачёвской перестройки делал карьеру учёного-физика, — в Россию, конкретнее — в Москву (имелись и запасные варианты, но так сложилось, что реализовался "основной"). В этом описании практически отсутствуют претензии на какие-то глубокие обобщения личного опыта — нет, автор по преимуществу фиксирует: тогда-то находился там-то, делал то-то, встречался и общался с теми-то людьми, был свидетелем или участником таких-то событий, — короче, по его словам, "варился" в весьма активной среде деятельных людей, заполнявших собой пресловутый "бизнес 90-х", то есть занимался выживанием или, согласно изычному эвфемизму тех лет, "решал задачи, связанные с собственным существованием", и, так или иначе, нашёл приемлемые для себя варианты того, как "перейти из состояния беженца в статус оседлого гражданина, обрести жильё и обеспечить нормальные условия жизни для семьи", не поступааясь своим внутренним человеческим и социальным достоинством в обстоятельствах, когда "фантазмагорией ...

была пропитана вся тогдашняя жизнь, которая на глазах лишалась ещё недавно казавшихся незбылемыми устоев". И, может быть, главное: что же "сварилось" в результате?

Если ознакомиться с внешней биографией (не автобиографией) автора книги, то там указано, что он — "русский писатель, экономист, учёный, публицист, главный редактор альманаха и портала "Развитие и экономика", а в числе его изданных произведений значатся "Искусство жить, или Как быть счастливым несмотря ни на что", "Галактический еврей", "Фактор тьмы", "Игра как жизнь" (в трёх частях) и другие — всего около полутора десятков названий. Кроме того, упоминается участие в ряде популярных теле- и радиопроектов и так далее и тому подобное. Но всё это, по авторскому признанию, уже его "другая жизнь", толчком к которой стал инфаркт, случившийся в конце мая 2001 года и, видимо, поставивший "красный флажок" на его личных часах, которые стали показывать время уже непрерывного цейтнота и необходимости успеть сделать все последующие "ходы", сыграть все доступные ноты в своей "партитуре жизни". Сергей Белкин обещает продолжить своих мемуаров.

ИЗВЕСТНО, что пушкинские "Повести Белкина", написанные в период Болдинской осени, современники приняли без восторга, хотя сам "наше всё" считал их своего рода образцовыми, о чём сохранилось свидетельство П.И. Миллера: "Вскоре по выходе "Повестей Белкина" я на минуту зашёл к Александру Сергеевичу; они лежали у него на столе. ... "Какие это повести? И кто этот Белкин?" — спросил я, заглядывая в книгу. — "Кто бы он там ни был, а писать повести надо вот так: просто, коротко и ясно". Что же помешало пройти мимо вроде бы абсолютно случайного совпадения фамилии автора рецензируемой книги с известным пушкинским псевдонимом, под которым вышли шедевры, сегодня признанные "началом великой русской прозы"? Может быть, смутный намёк на то, что свои варианты Болдинской осени, пусть не столь образцовые и великолепные, и к тому же "растянутые" во времени и пространстве, всё же возможны не только для пушкинского гения?

Георгий СУДОВЦЕВ

ЗАУМОПРОСВЕТАЕНИЕ

сияне"? нация они, или народ, или кто-нибудь ещё, например "суперэтнос", "цивилизация"? каких плодов-"идеала" нужно ожидать от такой "идеи"? (по плодам их узнаете их)", — выглядели эти поиски не столько движением, сколько брожением (во всех смыслах этого слова) в архетипической ситуации "пойди туда — не знаю куда, найди то — не знаю что". Только с началом СВО разделение "СВОИ — чужой" получило хотя бы приблизительную определённость: с одной стороны — патриоты, а с другой — релоанты-иноагенты, причём с преобладанием первых в соотношении примерно семь к одному (а "семеро одного не ждут").

Вот и поиски национальной идеи из привычной области "где светлее" (с затканными отблесками западного Просвещения) мало-помалу забредают-выбравивают туда, где обозначено (как весьма мракобесное и хтоничное, уходящее "в ту" реальную — апофатико-катафатическую — апофатическую! — "тьму", о которой неистово-проночномерно писал ещё св. Иоанн Дамаскин?), то есть местообитание нашего народного героя Ивана-дурака, помеченное множеством порубленных змеогрызневых головешек-головёнок (просветители) — они вообще такие: от средневековых кре-

(одна из глав книги так и названа: "Юродство как особо святой и творческий тип восточнохристианской традиции/культуры"), сохраняя свою "тайную свободу" и решая одновременно разнонаправленную (даже противонаправленную) задачу философа-учёного (объяснить мир словами) и художника-творца-поэта (создать мир словами). Здесь "заумь", опять же по образцам не только Велемира Хлебникова и Алексея Кручёных, но и фольклора, а паче — по следу философа Николая Александровича Васильева, — одно из проверенных решений. Хотя в авторском исполнении такая "заумь" представляется порой даже анагогически избыточной.

НО МОЖЕТ ЛИ Иван-дурак быть заодно доктором философских наук? А как вам тем более обратный или зеркальный вариант? Ведь европейская антиномия "короля и шута" топологически неприменима к русским антиномиям "царя и юродивого", "царя и Ивана-дурака" — они, так сказать, "негемоморфны" друг другу. Поскольку в первом случае сопоставляются две социальные функции, а во втором — социальная функция и личная сущность, то есть аргумент. А в пространстве между ними вполне ощутимо и появление "чёрных дыр" как кос-